
Семьи мигрантов из Центральной Азии в России: экспертный дискурс

В.М. ПЕШКОВА*

***Вера Михайловна Пешкова** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия, pever@mail.ru, <https://orcid/0000-0003-3530-922X>

Цитирование: Пешкова В.М. (2025) Семьи мигрантов из Центральной Азии в России: экспертный дискурс // Мир России. Т. 34. № 1. С. 106–129. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-106-129

Аннотация

Начинающаяся как трудовая, преимущественно мужская и временная, миграция из стран Центральной Азии в России приобретает в настоящее время более долгосрочный характер, что выражается в росте числа мигрантов, сопровождаемых членами семей, ориентированных на постоянное проживание, получение гражданства России, а также на создание семей в России. Данный текст предлагает результаты исследования новой миграционной тенденции из экспертной перспективы. Были проанализированы 98 глубоких полуструктурированных интервью со специалистами, чья деятельность касается различных сторон миграции в России.

Анализ экспертного дискурса позволил выявить, каким образом представители власти, разных общественных организаций, образовательных и социальных учреждений концептуализируют и структурируют проблематику семей мигрантов из Центральной Азии в России. Рассмотрены экспертные подходы к аналитическому определению семьи в миграции; механизмы создания и некоторые характеристики семей мигрантов; влияние миграции на трансформацию института семьи и брака, выражающуюся в том числе в умножении и разнообразии форм семей и моделей внутрисемейных отношений; и, наконец, особенности адаптации и интеграции семей мигрантов. Наличие семьи в миграции на территории РФ само по себе интерпретируется как фактор адаптации и интеграции, но полная интеграция в структуры и культуру принимающего российского общества, изменение идентичности экспертами связываются по большей части с детьми мигрантов.

Характеристика семей мигрантов строится на сопоставлении, с одной стороны, с типизированной российской семьей, с другой, с типизированной центрально-азиатской семьей. Комплексность и неоднозначность проблемы семьи в миграции, очевидно,

---

Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России».

Статья поступила в редакцию в июне 2024 г.

определяются как самим феноменом, так и экспертной оптикой. Делается вывод, что миграция трансформирует самые разные аспекты института семьи и брака, причем не только в странах Центральной Азии, отправляющих мигрантов, но и в России. Наиболее заметные изменения касаются патриархатного порядка и гендерного режима.

Ключевые слова: семья в миграции, семья мигрантов, иностранная трудовая миграция, Центральная Азия, экспертный дискурс, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов

Введение

Долгое время в фокусе отечественных и зарубежных миграционных исследований были преимущественно одинокие мужчины, ориентированные на временную работу и возвращение в страну эмиграции. Однако в последнее время в миграционных процессах происходят изменения, в том числе феминизация и рост численности мигрантов с детьми. Семья все больше понимается как стержневой элемент миграции, являющийся центральным фактором при принятии большинства решений о переезде, а также влияющий на скорость и успешность адаптации и интеграции мигрантов. Согласно Международной организации по миграции¹, различаются четыре категории семейной миграции – (1) воссоединение семей, (2) международное усыновление (удочерение), (3) создание семей (брак с иностранным гражданином), (4) миграция членов семьи, сопровождающих основного мигранта. Согласно данным *The Global Migration Data Analysis Centre*, в 2022 г. в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) семейная миграция составила 40% от новых миграционных потоков. Причем рост семейной миграции происходил в основном за счет увеличения количества членов семей, приезжающих с трудовыми мигрантами: если в 2019 г. эта доля составляла 17% всей семейной миграции в страны ОЭСР, то в 2022 г. – 27%. Возглавляют список стран, которые принимают членов семей, сопровождающих трудовых мигрантов, Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия и Австралия². Рост числа таких семей актуализирует их включение в социальные институты в месте миграции, требует взаимной адаптации, влияя не только на семью приезжих, но и на принимающее общество.

Эти тенденции характерны и для миграционной ситуации в России. Согласно ФМС (ведущей до 2016 г. самую полную половозрастную миграционную статистику), а также ряду исследований [Зотова 2007; Полетаев 2016; Полетаев 2018; Тюрюканова 2005; Тюрюканова и др. 2011], миграция в Россию характеризуется постепенной феминизацией, чему сопутствует и рост миграции семей с детьми. Что касается происхождения иностранных мигрантов, то на протяжении последних двух десятилетий более 80% пребывающих на территории России иностранных (в первую очередь трудовых) мигрантов приходится на страны СНГ. Из них почти половину, а в последние годы почти 70% [Демографический ежегодник

¹ Family Migration. Migration Data Portal // <https://www.migrationdataportal.org/themes/family-migration>, дата обращения 8.08.2024.

² Family Migration. Migration Data Portal // <https://www.migrationdataportal.org/themes/family-migration>, дата обращения 8.08.2024.

России 2021; Демографический ежегодник России 2023] составляют граждане стран Центральной Азии (Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана). В 2023 г. 82% миграционного прироста из СНГ также дали мигранты из этих трех стран³. По данным МВД, за период 2016–2022 гг. 22% (733316 чел.), вступивших в российское гражданство, – выходцы из указанных стран⁴; в среднем в трети случаев основанием приобретения гражданства явилось воссоединение семей – для 28,9% граждан Кыргызстана, 30,5% граждан Узбекистана; и почти для половины (47,6%) граждан Таджикистана [Мукомель, Григорьева 2022, с. 66].

Осмысление этой новой миграционной тенденции представляется крайне актуальным, имеет теоретическое и прикладное значение. Фокус внимания не только на отдельного мигранта, но на семью в целом, а также на миграцию семьями позволяет по-новому взглянуть на такие важные для современной России вопросы, как причина и динамика миграции, адаптация мигрантов к разнообразным социальным, экономическим и культурным контекстам. Как следует оценивать подобные тенденции с точки зрения интересов российского общества и государства? Следует ли воспринимать рост числа, в том числе трудовых мигрантов, сопровождаемых семьями, как один из способов решить одновременно и демографический вопрос, и вопрос адаптации и интеграции мигрантов? Необходимо ли говорить о трансформации института семьи и брака в ситуации миграции, и если да, то какое значение и какие социальные эффекты эти трансформации имеют для самих мигрантов и для принимающего общества? В данной статье делается попытка ответить на эти вопросы, основываясь на анализе мнений специалистов, чья деятельность касается многочисленных аспектов миграции, в первую очередь трудовой миграции из Центральной Азии в России. Комплексное исследование различных экспертных оптик важно и с той точки зрения, что общественное мнение и многие общественно-политические действия определяются экспертным мнением и отражаются им.

Обзор современного состояния исследований семей в миграции

Рост числа исследований семьи в миграции и семейной миграции происходит на волне методологических сдвигов середины 1990-х гг. Самый известный – так называемый мобильный поворот, благодаря которому современное общество начало рассматриваться как общество мобильных, «неукорененных» индивидов, для которых передвижение является своего рода нормой и вместе с тем ресурсом [Урри 2012]. Также с начала 1990-х гг. предпринимается попытка преодолеть методологический индивидуализм, то есть тенденцию постулировать в качестве объекта исследования и экономически мотивированного агента отдельного мигранта, чаще всего мужчину [Kofman 2004]. Помимо этого, становится заметным отступление от доминировавшего ранее экономического подхода в интерпретации жизненных стратегий, практик мигрантов и включение в анализ личных, семейных, социаль-

³ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году // Росстат // https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?fbclid=IwY2xjawER3jRleHRuA2FlbQlXMQABVHVIQJCPA6AcOdcHaSC6XYRwGgZYrImrqHxfBnswOmAL0KANQ7sh5zQSU6A_aem_VNcUIK7sTjgnRaTMgHaJPA, дата обращения: 28.07.2024.

⁴ Из архива автора.

ных и прочих аспектов миграции [Sayad 2007]. Наконец, от гетеронормативного понимания семьи как нуклеарного института, преобладавшего в 1950–1960-х гг., и его уравнивания с домохозяйством как экономической единицей анализа, переходят к признанию сложной совокупности перемещающихся семей, которые воссоздают семейность, поддерживая отношения в самых разных местах и контекстах [McCarthy, Edwards 2011]. В связи с этим в центре миграционных исследований оказываются не просто семьи, а семьи, которые рассматриваются не как статичные объекты, а, скорее, как подвижные, восприимчивые и реагирующие на ситуации, ограничения и возможности субъекты [Montero-Sieburth et al. 2021]. При этом признается, что различные типы семей по-разному реагируют на институциональные рамки, которые опосредуют семейную и миграционную политику, что переходит в онтологическую и идеологическую область, порождая множество дискурсов по политизации семьи [Grillo 2008].

С точки зрения современных концепций важным становится исследование конфигурации гендерных, поколенческих и других отношений, которые складываются между членами семьи в процессе пространственной реорганизации, трансформаций семейных норм и ролей, родительства и его функций [Kraler et al. 2011]. Отдельное внимание уделяется семейной политике в области миграции [Booth et al. 1997; Spitzer 2018], стратегиям по воссоединению и созданию семей, межпоколенческим отношениям в миграции [Attias-Donfut, Cook 2017], а также мультикультурному аспекту семей мигрантов, например, когда родители имеют разную расовую, этническую, национальную или религиозную принадлежность, или когда дети привносят в семью новые языковые и культурные знания.

Множество новых тем в исследованиях миграции в целом и при анализе семей мигрантов в частности создала транснациональная перспектива [Levitt, Glick-Schiller 2004; Bryceson, Vuorela 2002; Orellana et al. 2001 и др.]. Среди них, например, научные работы, посвященные семейным практикам по созданию сопresутствия и близости на расстоянии [Baldassar et al. 2007; Carling et al. 2012; Skrbiš 2008]; изучение способов поддержания семейных связей и организации заботы с помощью современных информационных технологий и транснациональных методов коммуникации [Veale, Donà 2014; Wilding 2006; Nedelcu, Wyss 2016]; исследование того, как под влиянием миграции трансформируются практики заботы [Mazzucato 2015; Graham et al. 2012]; анализ трансформации родительских и других ролей и практик в семьях мигрантов [Ducu et al. 2018; Parreñas 2005 и др.]; исследование пересмотра условий взаимодействия в семьях мигрантов, которые включают реструктуризацию, оспаривание, компромисс, а в некоторых случаях и конфликт [Kofman 2004]. Следует также упомянуть работы по анализу гендерных различий родительства и детства, материнства и отцовства [Parreas 2001] и практик родительской заботы [Seeberg, Goździak 2017; Carling et al. 2012; Ryan, Sales 2013]. Эти публикации раскрывают изменчивый характер семей мигрантов и сложные переговоры, происходящие между поколениями с целью обеспечения успешного обустройства семьи в новой стране.

Отдельное направление в рамках зарубежных исследований семей – изучение детей мигрантов. При этом дети рассматриваются как полноправные агенты миграции, которые могут быть ее причиной, участниками и субъектами, получают свои бонусы или, наоборот, испытывают лишения. Ранняя традиция изучения этого вопроса концентрировалась на адаптации, интеграции и аккультурации детей

разных поколений в принимающем обществе; передаче социального и культурного родительского капитала; его влиянии на успеваемость в школе и другие социальные успехи [Portes, Rivas 2011]; эффективности использования инфраструктуры досуга в развитии ребенка [Lareau 2003]. Кроме этого, были проведены исследования, каким образом дети, оказавшиеся в миграции в разном возрасте, обустраивают границы и различия между школьной, молодежной, домашней средой, а также этнической культурой родителей. Одни иностранные ученые рассматривают изменения в детях мигрантов как ассимиляцию или частичное смешение культур, но с сохранением различий в зависимости от степени этнокультурного контраста с местным населением; другие – стремятся выйти за рамки классической теории ассимиляции или взаимной аккультурации. Например, согласно теории сегментной ассимиляции [Portes, Rumbaut 2001; Portes, Zhou 1993], дети мигрантов ассимилируются, но только в определенные социальные слои принимающего общества.

Современная отечественная социальная наука в области миграции сосредотачивается в основном на ее демографических и социально-экономических аспектах, анализируя мигранта, в том числе трудового, преимущественно как статистическую экономическую единицу. Косвенно проблематика семьи в миграции затрагивается в исследованиях женской миграции [Зайнчковская и др. 2011; Зотова 2007; Полетаев 2016; Полетаев 2018; Рязанцев, Сивоплясова 2021; Тюрюканова 2005], а также в работах по детям мигрантов – в одном, пожалуй, из наиболее активно разрабатываемых направлений отечественных миграционных исследований. Дети мигрантов изучаются прежде всего с точки зрения школьной успеваемости, места и роли в этом родительских стратегий и практик, в том числе по взаимодействию с образовательными и другими институтами принимающего общества, активность и роль этих институтов в интеграции мигрантов и их детей [Акифьева 2015; Александров и др. 2012; Деминцева и др. 2017; Макаров 2010; Сабирова, Андреева 2014; Флоринская 2012]. В последние годы также появляются работы, в которых дети рассматриваются в качестве важнейших транснациональных агентов [Борисова 2016; Бредникова, Сабирова 2015]. Однако специальных исследований в области семей мигрантов (за исключением, например, [Донец 2015]), остающихся в том числе на постоянное проживание в России (особенно в последние 10 лет), не проводилось.

Данные и методы исследования

Эмпирическая часть исследования основана на анализе интервью со специалистами, чья деятельность касается различных сторон международной миграции в России, – с представителями государственных структур, работающих с иностранными мигрантами; с членами правозащитных и этнокультурных некоммерческих организаций; со служащими государственных образовательных и социальных учреждений; с сотрудниками научно-исследовательских центров и университетов, специализирующихся на международной миграции и семейной проблематике как в России, так и в странах Центральной Азии. Многообразие специалистов позволяет описать явление, исходя из разных экспертных оптик, и собрать целостную картину. Выбор в качестве объекта исследования мигрантов из Центральной Азии

(Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана) объясняется их численным преобладанием среди иностранных и особенно трудовых мигрантов.

Интервьюирование было проведено осенью и зимой 2022 г. в четырех российских городах – Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и в Тюмени. Их выбор обусловлен тем, что эти города, с одной стороны, традиционно привлекают основные потоки иностранных мигрантов, с другой, являют собой отличные друг от друга региональные и городские социально-экономические, культурные пространства. Вариативность контекстов представляется продуктивной не столько исходя из сравнительной перспективы, сколько из разнообразия самих случаев, что в логике мультисайтного исследования [Marcus 1995] позволяет выявить общее и соответственно универсальное в таком богатом и полиморфном феномене, как миграция.

Всего были собраны 98 глубинных полуструктурированных экспертных интервью⁵. С представителями федеральных, региональных и территориальных органов исполнительной власти, комитетов по образованию и молодежной политике, по межнациональным отношениям и миграционной политике, учреждений социальной поддержки и защиты населения были проведены 19 интервью; с членами правозащитных общественных организаций – 13 интервью, религиозных организаций – 4; и этнокультурных некоммерческих организаций – 21; с сотрудниками государственных социальных и образовательных учреждений, работающих с членами семей иностранных мигрантов, в первую очередь с учителями и сотрудниками детских дошкольных учреждений – 17 интервью; наконец, с исследователями, специализирующимися на семейной проблематике и международной миграции, – 24 интервью. В Москве провели интервью с 39 экспертами; в Санкт-Петербурге – с 22; в Нижнем Новгороде – с 18; в Тюмени – с 19 экспертами.

Цель экспертного интервьюирования заключается в анализе того, как представители многочисленных экспертных сообществ определяют понятие «мигрантская семья»/«семья мигрантов», описывают ее границы и характеристики, специфику и спектр проблем, сопутствующих адаптации и интеграции. Кроме того, целью работы с экспертами был поиск актуальных тем и исследовательских фокусов, а также сбор и анализ кейсов, которые дают представление о формах и типах семей мигрантов. Для каждой категории экспертов были разработаны специальные гайды, включающие общие и специальные блоки вопросов. Общие вопросы состояли из следующих блоков:

- сравнение и оценка отличий индивидуальной и семейной миграции;
- определение семьи мигрантов и ее границ;
- основные характеристики семьи в миграции;
- оценка специфики семей мигрантов из перспективы характерных только для них жизненных ситуаций и сложностей, в том числе адаптационных и интеграционных;
- выявление семейных форм;
- оценка влияния миграции на семьи и их трансформацию;
- условия и факторы, влияющие на скорость и успешность адаптации и интеграции; отношение к мигрантам в частности и к миграции в целом со стороны принимающих региональных социумов.

⁵ Исследовательская группа проекта выражает искреннюю благодарность всем экспертам, принявшим участие в исследовании.

Специальные блоки вопросов, как правило, касались конкретных кейсов семей мигрантов, с которыми эксперты сталкивались на практике. Средняя продолжительность одного интервью составляла от 40 минут до 1,5 часа. Основными методами анализа стали метод тематического анализа нарративов и метод социальной категоризации.

Факторы, влияющие на семьи в миграции

Анализ нарративов интервью демонстрирует единодушие экспертов в том, что проблематику семьи в миграции и семей мигрантов следует рассматривать в контексте общей миграционной ситуации и ее динамики, которые в свою очередь определяются социально-экономическими и демографическими условиями и их изменениями как в отправляющих странах Центральной Азии, так и в России с учетом региональной специфики.

По мнению исследователей, современная миграционная ситуация в России характеризуется двумя основными тенденциями. Во-первых, в миграцию едут более подготовленные, нежели пять-десять лет назад, люди; многие из них заранее находят место работы и жительства, лучше информированы о правовых нормах, ориентированы на легализацию. Во-вторых, иностранные мигранты активно совмещают трудовые, образовательные и (отчасти) туристические, а также брачные сценарии: так, одна из причин и новых тенденций современной миграции – поиск брачных партнеров и создание семьи в месте миграции. Иными словами, цели миграции становятся множественными и комплексными, усложняется состав миграционных потоков, в связи с чем при исследовании феномена миграции, в том числе семьи в миграции, его нельзя универсализировать, но необходимо подходить с точки зрения интерсекциональности.

Необходимо уточнить, что наиболее информированными о миграционной динамике являются исследователи и представители НКО; суммируя их мнения, можно выделить несколько миграционных потоков (или этапов) из Центральной Азии в Россию. Первый поток был отмечен в советское время в конце 1970-х–1980-е гг., значительную часть которого формировали студенты и специалисты по распределению. Большую часть второго потока, вызванного дезинтеграцией Советского Союза в начале – середине 1990-х гг., составляла вынужденная миграция преимущественно русского населения (например, миграция из-за гражданской войны в Таджикистане). На конец 1990-х и первые годы 2000-х приходится начало трудовой миграции (из Кыргызстана примерно с 2005–2007 гг.). Начало 2010-х гг. характеризуется феминизацией миграционных потоков: по достаточно согласованным оценкам разных экспертов, количество женщин достигало примерно 45–47% мигрантов из Кыргызстана и 15–20% из Узбекистана и Таджикистана. Наконец, наиболее актуальная тенденция – это увеличение в течение последних 7–10 лет доли мигрантов, находящихся в России со своими семьями, включая и тех, кто ориентирован на постоянное место жительства в РФ и российское гражданство. По очень приблизительным оценкам экспертов, представителей этнокультурных организаций и некоторых исследователей, семьи мигрантов насчитывают около десятой части миграции из Таджикистана и Узбекистана, примерно треть – из Кыргызстана.

К наиболее важным факторам миграции в отправляющих странах Центральной Азии можно причислить кратный рост численности населения, в том числе трудоспособного; уменьшение числа владеющих русским языком, особенно в возрасте до 35 лет; постепенное снижение разрыва в уровне развития отправляющих стран и России. Среди условий, влияющих на миграцию в России, следует упомянуть миграционный режим и его изменения; межгосударственные отношения участвующих в миграционном обмене стран (например, соглашение между РФ и РТ о двойном гражданстве; договор о Евразийском экономическом союзе и так далее); локальные особенности, касающиеся расселения иностранных мигрантов, рынка труда, истории заселения. Так, по мнению экспертного сообщества Тюмени, успешная адаптация и интеграция мигрантов в их регионе объясняются многолетней историей формирования населения преимущественно за счет внешней миграции, а также устоявшейся еще в советский период инфраструктурой адаптации переселенцев разного этнического и религиозного происхождения.

Наконец, отдельно среди факторов, влияющих на миграционную ситуацию в России, находится отношение местного населения к иностранным мигрантам в частности и к миграции в целом. С одной стороны, в российском обществе сохраняется достаточно высокий уровень ксенофобии, хотя и осуждаемый публично, с другой, эксперты в целом не склонны нагнетать ситуацию и говорить о серьезных негативных проявлениях, грозящих перерасти в конфликт. Причем объектами ксенофобии начали выступать женщины и особенно дети, и в этом смысле семьи мигрантов оказываются более уязвимыми, чем индивидуальные мигранты. Одна из причин такого отношения, по мнению экспертов, заключается в том, что, с точки зрения местных сообществ, мигранты (особенно многодетные) активно конкурируют с местными жителями за социальные блага. Возникающее вследствие подобного отношения отторжение может быть одной из причин, влияющих на ограничение общения только внутри своих сообществ и сетей. В то же время длительное совместное проживание и личные контакты, как полагают некоторые исследователи и представители власти, все же способствуют стабилизации отношения к мигрантам.

Определение понятия «семья мигрантов»

Единодушно признавая наличие такого социального феномена, как «семьи мигрантов», эксперты не предлагают его однозначного определения, что объясняется разной экспертной оптикой и многообразием его форм и проявлений; причем последнее складывается из того, как определяется, что такое современная семья, и кого относят к «мигрантам».

Прежде всего, и на это особое внимание обращают исследователи, надо иметь в виду, что понимание современной семьи, в том числе российской семьи в целом, претерпевает серьезную трансформацию, что выражается как в вариативности ее форм, среди которых есть и относительно новые (гостевой, партнерский или пробный брак), так и во внутрисемейных отношениях, которые меняются от патриархатных до партнерских [Бурина, Кудинова 2020; Саралиева, Блонин, Егорова 2015; Российская семья 2021]. Понятие «семья» включает в себя супружество,

родительство и родство; семья и ее границы часто нестабильны и подвижны, в частности, распространены разводы, повторные браки; трансформируется и экономическая функция семьи. Данные тенденции, по мнению участвующих в исследовании экспертов, специализирующихся на изучении семьи и ситуации в Центральной Азии, в определенной степени характерны для института семьи и брака в отправляющих мигрантов странах.

Исследователи и представители разных общественных организаций подчеркивают, что трудовая миграция из стран Центральной Азии, даже если в миграцию едет один член семьи, как правило, мужчина, – это практически всегда семейный проект, поскольку решение об отъезде – это решение отправляющей семьи на основе ее конкретных потребностей. С ростом миграционного стажа жизнь без семьи рассматривается уже как проблема, в результате чего в Россию приезжают другие члены семьи, или семейные отношения выстраиваются на новом месте жительства.

Чтобы убрать отчасти стигматизирующее понятие «мигрант», исследователи предлагают использовать определение «человек/семья с миграционной историей»; представители власти – «члены семей иностранных граждан/иностранцев трудовых мигрантов»; а представители этнокультурных организаций – «соотечественники».

Из перспективы того, кого эксперты относят к мигрантам, можно вычленить два условных подхода к определению понятия «семья мигрантов». Гражданско-статусный или формально-юридический подход предполагает наличие некоего статуса, дающего право на долгосрочное пребывание и натурализацию в России, и в соответствии с ним приобретение российского гражданства формально снимает статус мигранта. Согласно второму, условно социокультурному подходу, основанному на (само)идентификации, семья может являться «мигрантской» и в случае, если все члены семьи имеют российское гражданство, и даже во втором поколении. При этом в каждом из подходов есть свой комплекс внешних и внутренних факторов: среди внешних факторов, например, то, как определяет подобную семью остальное население, в том числе в лице часто контактирующих с ними школьных учителей, одноклассников, соседей по дому и двору. Иными словами, частью местного сообщества статус определяется «не по паспорту, а по лицу». На это в свою очередь влияет довольно распространенная, особенно по мнению представителей диаспоральных и правозащитных организаций, государственная установка на восприятие внешних мигрантов в качестве гостей, что проявляется и в исполнительных практиках, в процедурах легализации проживания и работы на территории России. В то же время для структур, предоставляющих, например, социальные услуги, самое важное – это гражданство РФ, при наличии которого приезжий из Центральной Азии перестает рассматриваться как иностранный трудовой мигрант, а члены его семьи – как члены семьи иностранного трудового мигранта.

Среди внутренних факторов, определяющих понятие «семьи мигрантов», следует назвать (само)восприятие и (само)ощущение членов таких семей, то есть воспринимают они себя мигрантами или же местными жителями. В связи с этим ряд экспертов считает, что мигрант никогда не перестанет быть мигрантом из-за сильных эмоциональных связей с родиной и ввиду ярко выраженной идентификационной границы «мы/они», которая проходит с двух сторон – и со стороны мигрантов, и со стороны принимающего общества.

Механизмы создания и характеристики семей мигрантов

Типичный механизм семейной миграции из стран Центральной Азии в Россию описывается следующим образом: сначала приезжает мужчина, как правило, с целью поиска работы, обосновывается, после чего к нему переезжают жена и дети (или часть детей). Вариант, когда первым мигрантом становится женщина (замужняя или незамужняя), эксперты пока не склонны определять как типичный. Нередки случаи, когда жена присоединяется в миграции к мужу, поскольку вдвоем проще зарабатывать, но такой процесс эксперты не склонны называть воссоединением семьи. Поводом и стимулом для воссоединения семьи скорее служит укоренение в стране миграции, которое чаще всего выражается в накоплении ресурсов (материальных и символических), а также в получении определенных статусов (например, разрешение на временное проживание, вид на жительство, гражданство). Эксперты единодушны во мнении, что в качестве основной «точки сборки» семьи в миграции зачастую выступают дети, хотя их переезд сопряжен с рядом интеграционных проблем. Основные причины перевозки детей в Россию состоят в более высоком, по мнению исследователей и представителей общественных организаций, уровне образования и медицины, а также в больших возможностях дальнейшего роста и развития детей как в персональном, так и в карьерном плане.

Вариант переезда в Россию всей семьей сразу, как полагают многие эксперты, встречается намного реже. К сугубо семейной миграции, или когда в другую страну перемещаются все члены семьи, включая минимум два поколения, следует отнести переселение по Программе возвращения соотечественников и миграцию, вызванную военными конфликтами либо геополитическими изменениями, то есть в отношении вынужденных переселенцев и беженцев. Вариант создания семьи уже в России в большей степени характерен для второго поколения мигрантов – для тех, кто рожден, либо привезен в детском и юношеском возрасте в Россию и, как правило, имеет российское гражданство; а также для мигрантов первого поколения, как правило, молодых людей, предпочитающих искать партнера и заключать брак в России.

Экспертная оценка базируется на сопоставлении семей мигрантов, с одной стороны, с типизированной российской семьей (чаще экспертами от власти, российскими исследователями, представителями правозащитных организаций), с другой, с типизированной центрально-азиатской семьей (чаще представителями этнокультурных и религиозных организаций, центрально-азиатскими исследователями). Общей, с точки зрения большинства экспертов, характеристикой таких семей становится уязвимость из-за нестабильности в самых разных областях:

- в правовой сфере, поскольку документирование в России (оформление разрешительных документов, патентов, регистрация по месту жительства и так далее) – это сложный, долгий и дорогостоящий процесс;
- на финансовом поле: из-за нестабильности заработков сложно формировать стабильный семейный бюджет и обеспечивать необходимым членов семьи;
- из-за условий проживания, поскольку при нестабильных заработках семьям с детьми труднее найти подходящее жилье; помимо этого, некоторые арендодатели категорически против семей с маленькими детьми;

– уровень владения русским языком часто не позволяет решать выше обозначенные вопросы быстрым и эффективным способом.

Конечно, шаткость положения является свойством и индивидуальной миграции (особенно в начале), но в случае миграции семьями степень уязвимости усиливается: например, депортация (по разным причинам) одного из членов семьи приводит к тому, что всей семье приходится менять свой образ жизни и приспосабливаться к жизни на расстоянии или уезжать.

Другая ключевая характеристика семей мигрантов – это мобильность их границ, выражающаяся в разнообразии состава семьи: исходя из анализа экспертных нарративов, семья мигрантов – как правило, двухпоколенная семья с детьми. По мнению большинства экспертов разной специализации, в семьях мигрантов меньше детей (в среднем 2–3 ребенка), чем принято в Центральной Азии. С другой стороны, семьи, прибывшие из этих стран, по сравнению с российскими семьями чаще являются многодетными. Об этом свидетельствуют представители социальных служб и образования, полагающих, что многодетность делает такие семьи более уязвимыми, и в то же время она создает большие проблемы для инфраструктуры города. Экспертные рассказы о конкретных кейсах также расширяют представления о семьях мигрантов: в их состав могут включаться не только родители/дети, бабушки/дедушки, но и дяди/тети, племянники/племянницы, двоюродные братья/сестры и даже друзья.

Еще одна особенность семей мигрантов, по мнению практически всех экспертов, – это образ жизни, следование «своим» нормам поведения и особые внутрисемейные отношения. Например, с точки зрения в первую очередь экспертов от власти, ориентация части семей мигрантов на родственные и земляческие сети приводит к их замыканию на своем круге общения, а соответственно и к меньшей адаптации и интеграции. С точки зрения социальных работников, отсутствие кровати у детей или прием пищи за низким столом на полу представляются отклонением от общепринятой в России нормы и признаком неблагополучия таких семей, а с точки зрения представителей этнокультурных общественных организаций, наоборот, – это следование привычным правилам и знак сохранения идентичности. Такую же противоречивую ситуацию можно видеть и при оценке характера внутрисемейных отношений: например, учителя, представители социальных служб и учебных заведений фиксируют закрытый характер семей мигрантов, более патриархальный, в отличие от российского, семейный уклад и формат воспитания детей, а представители этнокультурных и религиозных организаций отмечают русификацию и «отход от корней», в отличие от семей в отправляющих странах.

Формы семей мигрантов

Суммируя экспертные интервью, можно условно выделить несколько форм семей в миграции. Во-первых, это разделенная/дистантная семья, когда одна ее часть (например, какое-то время все дети или несколько детей) находится в стране исхода, а вторая – в миграции. Вопреки разделенности национальными границами, подобную семью связывают не только семейный бюджет, но и близкие, вовлеченные отношения. Можно также сказать, что это определенный этап в истории семьи

мигрантов, после которого происходит воссоединение либо в отправляющей стране, куда находящийся в миграции возвращается, либо в принимающей стране, когда большая часть членов семьи переезжает на постоянное место жительства. Такой формат жизни семьи зачастую создает так называемые неполные семьи, порождая проблемы в воспитании детей и трудности в сохранении близких внутрисемейных отношений. Несмотря на распространенность этой семейной формы и длительность ее существования, она не очень нормализована и рассматривается (особенно представителями религиозных, диаспоральных и мигрантских сообществ) скорее как одно из последствий негативного влияния миграции на семью.

Во-вторых, некоторые семьи в миграции возникают (осознанно или непреднамеренно) временно, как правило, без официальной регистрации. Отношения подобного рода чаще всего встречаются в моноэтнической или мигрантской среде: эту ситуацию можно объяснить тем, что близкие отношения легче выстроить с людьми, с которыми говоришь на одном языке или же есть разделяемый жизненный опыт. В основе многих союзов лежат прагматические причины: обмениваясь разными ресурсами, партнеры значительно облегчают себе нахождение в другой стране.

В-третьих, часть семейных партнерств представляют собой параллельные/вторые (как правило, относительно семьи мигранта на родине) союзы. Хотя это явление, по сути, не новое, поскольку сопровождает любую миграцию, в контексте массовой на протяжении двух десятков лет миграции из Центральной Азии приобретает новую актуальность ввиду своей распространенности. Вторые семьи создаются и мужчинами, и женщинами, но мужские параллельные отношения более нормализованы, поскольку такая форма семьи легитимна в отправляющем обществе, в том числе из-за того, что в исламе разрешено иметь вторую жену. Последствия подобных союзов, по мнению некоторых экспертов вне зависимости от специализации, острее всего ощущают на себе появившиеся в таких отношениях дети: проблемы в основном связаны с регистрацией (соответственно, с социальными выплатами) детей во вторых семьях. С точки зрения представителей религиозных, диаспоральных и мигрантских сообществ, данные явления также следует считать одним из эффектов негативного влияния миграции на семью в миграции.

К четвертой форме семей мигрантов можно отнести смешанные браки между мигрантами из Центральной Азии, а также между мигрантами и местными жителями. Согласно экспертам, представляющим разные общественные организации, чаще всего именно мужчины-мигранты выбирают в жены местных женщин; в то же время, по мнению некоторых представителей религиозных и мигрантских сообществ, подобные браки, как правило, обречены, потому что «русские девочки» не могут стать мусульманскими женами. То, что женщины реже мужчин вступают в брак с местными жителями, интерпретируется через воспитание и ментальность, а также страхи и религиозность центрально-азиатских женщин. Основные особенности подобных браков – это большее (по сравнению с гетерогенными браками) влияние различающихся культурных и религиозных норм партнеров на внутрисемейные отношения и проблема самоидентификации детей. Причем подобные разрывы и иногда конфликты в смешанных семьях вызваны не только этническими и религиозными различиями, но и отказом от патриархальной модели семьи современным российским обществом. Перечисленные выше формы семей в миграции не имеют жестких границ, они трансформируются, накладываясь одна на другую: например, смешанный союз может быть одновременно и второй семьей.

Наконец, форма семьи, являющаяся таковой только «де юре», – фиктивный брак, основной причиной распространения которого становится желание некоторых трудовых мигрантов быстрее и надежнее легализоваться, получив вид на жительство и российское гражданство. Согласно представителям власти и разных общественных организаций, данная практика чаще встречается среди мигрантов из Таджикистана (благодаря соглашению о двойном гражданстве), реже – из Узбекистана и в последнюю очередь – из Кыргызстана.

Завершить перечисление форм семей в миграции следует упоминанием традиционной семьи, состоящей как минимум из двух поколений (родителей и детей), как правило, ориентированных на постоянное проживание в России. Эти семейные партнерства создаются и в странах исхода, и в миграции в России, причем количество последних с каждым годом растет и может состоять как из мигрантов первого, так и второго поколения.

Институт, который отчасти пытается взять на себя контролирующую и поддерживающую функцию, – это религия (мечети, молельные дома и мусульманские общины). Согласно интервью представителей религиозных организаций, число обрядов «никах», соединяющих мигрантов мусульманскими браками, растет с каждым годом. Однако в России ценность мусульманского брака среди мигрантов девальвируется, превращаясь просто в сожительство.

Влияние миграции на семьи мигрантов

Эксперты единодушны в том, что миграция оказывает серьезное влияние на институт семьи и брака как в отправляющих странах, так и в стране миграции. Рассмотренное выше разнообразие форм семей мигрантов является одним из примеров воздействия миграции, но не ограничивается им. Например, для экспертов, представляющих диаспоральные и мигрантские организации, этот фактор выражается в росте благосостояния семей мигрантов в частности и отправляющего общества в целом; отмечается повышение уровня образования, профессиональных навыков, материального достатка, уровня и качества жизни. Особенно это характерно для семей, получивших российское гражданство, ввиду лучшей (по сравнению со страной исхода) социальной защищенностью. Однако отрицательных последствий, согласно экспертам, больше, чем положительных: любая миграция – это продолжительный психологический стресс от самого переезда и решения вопросов, возникающих по мере обустройства в новой стране. Вследствие нестабильности и уязвимости растут количество разделенных семей и разводов и число детей, находящихся без надлежащего надзора. По словам представителя одной из диаспоральных организаций, происходят деградация семейных отношений, утрата привычных ролей и моделей взаимодействия; также миграция ослабляет связи с отправляющим обществом, контроль со стороны родственников и сообщества. С другой стороны, согласно мнению экспертов от власти, названные тенденции носят скорее положительный характер, поскольку служат более успешной адаптации и интеграции мигрантов.

Переопределение межпоколенных отношений в семье также частично связано с ослаблением социальных связей с отправляющим сообществом ввиду

атомизации членов семьи, усиления разрыва между тремя поколениями семьи, пересмотра отношений между родителями и детьми, когда ребенок становится равноправным гражданином своим родителям. По мнению представителей диаспорных и религиозных организаций, происходит ослабление роли нормы уважения к старшим. При этом представители образовательных организаций и социальных служб признают, что по сравнению с типичными российскими семьями у мигрантов «уважение к старшим», наоборот, – одна из ключевых характеристик взаимоотношений. Изменения касаются и религиозности, особенно людей разных поколений: одни продолжают придерживаться более строгих культурных национальных норм, становятся более религиозными, другие, наоборот, «развращаются» массовой городской культурой. Помимо этого, обращается внимание на сложности в общении между детьми и родителями, вызванные различным уровнем владения русским языком: практически все эксперты отмечают, что эти изменения наиболее заметны у детей, привезенных в раннем возрасте или родившихся в России. Суть этих изменений можно выразить словами представителя одной из столичных этнокультурных организаций, согласно которым под воздействием городской культуры дети становятся обычными москвичами.

Если для чиновников, правозащитников и представителей социально-ориентированных организаций статусы позиций мужчин-мигрантов и женщин-мигрантов равны, то для представителей диаспоральных и религиозных – статус женщины в миграции сопряжен со статусом женщины отправляющего сообщества, то есть чаще конструируется в качестве жены, сестры и тому подобного. При этом в семьях мигрантов в России женщина имеет больший вес в семейных вопросах как в своей нуклеарной, так и в родительской семье. Анализ этого явления позволяет предположить, что влияние миграции на институт брака и семьи имеет своим следствием женскую эмансипацию, выражающуюся в установлении субъектности и в поиске собственных жизненных траекторий, частичном пересмотре своего статуса и роли в семье; в некоторых случаях агентами эмансипации служит рабочий коллектив, в других – школы.

Адаптация и интеграция членов семей мигрантов

Значительное место в экспертном дискурсе занимают анализ адаптационного/интеграционного потенциала семьи в миграции, отношение к которому, возможно, больше, чем в других вопросах, определяется профессиональной специализацией экспертов.

Именно представители власти рассматривают иностранного мигранта прежде всего через призму социально-культурной адаптации и интеграции. При этом выбор проекции внимания определяется категорией мигрантов – адаптация временных, то есть, как правило, трудовых мигрантов, и интеграция тех, кто связывает свою жизнь с Россией. В то же время изучение проведенных интервью позволяет констатировать, что эксперты от власти зачастую затрудняются определить, в каких конкретных действиях должна выражаться адаптация и каким образом измеряется ее успешность. Кроме этого, эксперты упоминают

пробелы в межведомственной коммуникации и достаточно узкой ведомственной специализации: например, ответственными за интеграцию и адаптацию мигрантов в рамках реализации Стратегии национальной политики Москвы являются префектуры, предоставляющие мигрантам справочную информацию, однако наиболее важные для мигрантов социальные услуги находятся в компетенции центральных столичных ведомств. На местных и региональных уровнях также создаются советы по межнациональным отношениям, куда входят работодатели, представители администрации и совета депутатов, профильных отделов и этнокультурных общественных организаций, на которых поднимаются вопросы, касающиеся благополучия семей мигрантов, – устройство детей в детские сады и школы, заработная плата и так далее. Причем диаспоральные и этнокультурные организации зачастую выполняют роль посредника между мигрантами и российским государством.

В целом все эксперты подчеркивают необходимость подходить к вопросу адаптации и интеграции комплексно, начинать с анализа обстоятельств или трудностей, с которыми сталкиваются члены семей мигрантов в России. Основные сложности для семей мигрантов определяются двумя комплексами факторов – внешними и внутренними. Внешние факторы частично определяются региональной социально-экономической ситуацией и историей формирования населения; к ним зачастую относят проблемы с легализацией (оформлением патентов, экзаменами на владение русским языком, медицинским освидетельствованием, снятием отпечатков пальцев, фотографированием, медицинским страховым полисом), а также с регистрацией по месту жительства. Отсутствие временной регистрации (не каждый собственник жилья соглашается регистрировать детей) либо проживание не по месту регистрации считаются нарушением миграционного законодательства, что в случае мигрантов с детьми означает как минимум затруднения в устройстве ребенка в детский сад или школу. Поиск жилья семьями мигрантов также сопряжен с ксенофобией арендодателей.

Хотя эксперты в целом не видят больших проблем с устройством детей в школу в регионах, получение услуг здравоохранения все же представляется отдельной трудностью для мигрантов с детьми: доступ к медицинским услугам, как правило, проходит на платной основе, по ДМС. По рассказам представителей общественных организаций, лечение детей, включая оформление различных справок, особенно при отсутствии российского гражданства, становится одной из самых сложных жизненных ситуаций. Что касается проблем, с которыми сталкиваются дети мигрантов в школах, то они могут быть связаны не только с академическими неудачами или бюрократическими препонами, но и с социокультурными и религиозными особенностями семей (разрешением посещать школу девочкам по достижении определенного возраста, пренебрежением учебой девочек, ограничением доступа девочек к досугу в школе, ношением хиджаба в школе).

Следует отметить, что ряду характеристик мигрантов – месту иммиграции (село или город), владению русским языком, уровню образования, кругу общения (родственные и другие сети), миграционному опыту членов семьи, ее составу – эксперты уделяют меньше внимания. Из перечисленного, пожалуй, самым важным фактором, определяющим успешность адаптации, включая решение многих вышеперечисленных вопросов, является уровень владения русским языком.

Выявлено, что именно мужчины-мигранты обладают более высоким уровнем владения русским языком; не имеют особых сложностей с русским языком дети, привезенные в младшем возрасте либо рожденные уже в России. С другой стороны, подростки из-за недостаточного уровня владения русским языком вынуждены учиться на класс ниже, поскольку, как правило, в семье они разговаривают на родном языке. Женщины, находясь большую часть времени дома, русским языком владеют либо слабо, либо не владеют вовсе.

По мнению некоторых экспертов (преимущественно представителей власти), проживающие в семье мигранты замкнуты внутри своего круга общения больше, чем индивидуальные мигранты; в решении проблем чаще ориентируются на ресурсы своего сообщества, что в итоге осложняет адаптацию и интеграцию. Но большая часть экспертов полагает, что, если иностранный трудовой мигрант находится на территории РФ с семьей, адаптация идет быстрее и, даже более того, это говорит о долгосрочных планах и о желании не просто адаптироваться, но и интегрироваться. Жизнь в семье, особенно с детьми, предполагает более активную интеграцию в различные социальные институты принимающего общества – устройство детей в детсады и школы, лечение в медучреждениях, обращение за предоставлением социальных услуг, использование развлекательной и потребительской инфраструктуры. В качестве других показателей того, что центрально-азиатские мигранты, сопровождаемые членами семьи, намерены в большей степени, чем ранее, встраиваться в принимающее общество, эксперты называют оформление правового статуса или получение гражданства РФ, экономическую интеграцию или расходование заработанных денежных средств в месте миграции, постепенный разрыв связей с отправляющим обществом, переопределение понятия и места дома, социальную интеграцию, когда сети и связи реализуются на новом месте жительства.

Заключение

Анализ российского экспертного дискурса демонстрирует комплексность и неоднозначность отношения к проблеме семей мигрантов, что определяется, с одной стороны, самим феноменом миграции, с другой – экспертной оптикой, на которую влияет профессиональная специализация и то, какие аспекты проблемы включены в деятельность экспертов.

Разногласий не вызывает тезис о том, что центральноазиатская миграция в Россию постепенно приобретает долгосрочный характер, что выражается в росте числа трудовых мигрантов, сопровождаемых членами их семей, ориентированных на постоянное проживание, а также на создание семей в России. Основными рамками референции в определении семей мигрантов и их особенностей являются представления экспертов, с одной стороны, о типизированных семьях в странах, откуда прибывают мигранты, с другой, о типизированных российских семьях. Наконец, эксперты, независимо от специализации, полагают, что к определению семей мигрантов следует подходить одновременно из формально-юридической и социокультурной перспектив, которые также применяются и к оценке успешности либо неуспешности адаптации и интеграции мигрантов.

Помимо роста количества семей мигрантов с детьми, свидетельствующего, по мнению экспертов, о большей в настоящее время ориентированности мигрантов из Центральной Азии на структурную интеграцию в России, выделяются и другие показатели интегрированности – долгосрочная легализация, освоение русского языка, выстраивание связей и сетей с местными жителями, изменение концепции дома, проектирование будущего, связанного с Россией. Достаточно единодушны эксперты в оценке места и роли детей на всех этапах семейной миграции: дети зачастую лучше знают русский язык и плотнее социализированы в российском обществе, становясь проводниками и агентами интеграции для своих родителей, особенно матерей.

Другая тенденция заключается в том, что миграция трансформирует институт семьи и брака не только в отправляющих мигрантов странах Центральной Азии, но и в России. Наиболее заметные изменения наблюдаются в перераспределении семейных ролей и обязанностей. Ярким примером влияния миграции представляется большое разнообразие форм семей мигрантов, которые при этом могут перетекать одна в другую или совмещаться. Миграция в целом эмансипирует, но в случае миграции семьями ее влияние становится более комплексным, поскольку проблематизирует прежний уклад семьи, меняет сферы ответственности и распределение внутрисемейных гендерных и межпоколенческих статусов и ролей. Члены семей мигрантов начинают перенимать паттерны и усваивать практики принимающего сообщества, что иногда опережает изменения ценностей и дискурсов. Эмансипация и сохранение традиционного уклада в ситуации миграции могут вполне мирно сосуществовать, но также могут вступать и в острый конфликт.

В то же время ряд вопросов, касающихся семей мигрантов, получает несхожие оценки со стороны отдельных категорий экспертов. Противоречия как в экспертизах, так и в полученных данных могут быть объяснены различными задачами организаций, где работают эксперты, и, соответственно, различиями в пресуппозициях институтов относительно природы современной миграции, роли мигрантов и членов их семей. Наиболее очевидна разница подходов представителей власти и диаспоральных/религиозных организаций. Обобщая информацию, можно утверждать, что проблема семей мигрантов формулируется представителями власти через концепцию безопасности принимающего общества, но не в качестве дополнительного элемента социальной (семейной) политики; а представителями диаспоральных/религиозных организаций – через необходимость сохранения представлений о традиционном социальном порядке через воспроизводство и иногда закрепление среди соотечественников определенных культурных паттернов. Другой нюанс состоит в том, что с получением российского гражданства формально иностранный мигрант и члены его семьи перестают быть таковыми, поэтому дальнейшая их интеграция переходит в поле деятельности социальных служб, образовательных организаций, а также отдельных диаспоральных сообществ.

Таким образом, анализ мнений специалистов, чья деятельность касается разных аспектов иностранной миграции, позволил выявить, как проблематика семей мигрантов из Центральной Азии в России концептуализируется и структурируется в экспертном дискурсе. Насколько представления экспертов пересекаются со стратегиями и практиками самих мигрантов, может показать специальное исследование этих семей, что находится уже за рамками задач данной статьи.

Список источников

- Акифьева Р.Н. (2015) Дети и родители-мигранты в Санкт-Петербурге: несогласованные линии поведения // Этнографическое обозрение. № 5. С. 117–134 // https://www.researchgate.net/publication/313580892_Deti_i_roditeli-migranty_v_Sankt-Peterburge_nesoglasovannye_linii_povedeniya, дата обращения 25.07.2024.
- Александров Д.А., Иванюшина В.А., Костенко В.В., Савельева С.С., Тенишева К.А. (2012) Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ).
- Борисова Е.В. (2016) Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана // Антропологический форум. № 28. С. 228–245 // <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/028/borisova.pdf>, дата обращения 25.07.2024.
- Бредникова О.Е., Сабирова Г.А. (2015) Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. № 26. С. 127–152 // https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf, дата обращения 25.07.2024.
- Бурина Е.А., Кудинова А.Е. (2020) Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства // Вестник Мининского университета. Т. 8. № 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-1-6
- Гидденс Э. (2004) Трансформации интимности. СПб.: Питер.
- Деминцева Е.Б., Зеленова Д.А., Космидис Е.А., Опарин Д.А. (2017) Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмоскovie // Демографическое обозрение. Т. 4. № 4. С. 80–109. DOI: 10.17323/demreview.v4i4.7529
- Демографический ежегодник России-2021: Статистический сборник (2021). М.: Росстат.
- Демографический ежегодник России-2023: Статистический сборник (2023). М.: Росстат.
- Донец Е.В. (2015) Семьи мигрантов в Российской Федерации: этническое измерение (по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Донец Е.В., Чудиновских О.С. (ред.) Современные исследования миграции населения: Сборник статей. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. 26. С. 50–61 // <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0693/analit02.php>, дата обращения 25.07.2024.
- Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Полетаев Д.В., Флоринская Ю.Ф. (2011) Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М.: МАКС Пресс.
- Зотова Н.А. (2007) Феминизация миграции из стран Средней Азии в Россию на примере Таджикистана // Россия и мусульманский мир. № 11. С. 94–101 // <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizatsiya-migratsii-iz-stran-sredney-azii-v-rossiyu-na-primere-tadzhikistana>, дата обращения 25.07.2024.
- Макаров А.Я. (2010) Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. № 8. С. 94–101 // https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Makarov_13.pdf, дата обращения 25.07.2024.
- Мукомель В.И., Григорьева К.С. (ред.) (2022) Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: монография. М.: ФНИСЦ РАН.
- Полетаев Д.В. (2016) Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок // Малахов В.С., Симон М.Е. (ред.) Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности: сборник научных статей. М.: Дело. С. 263–284.
- Полетаев Д.В. (2018) Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. Т. 21. № 4. С. 68–78. DOI: 10.26653/1561
- Полетаев Д.В., Зайончковская Ж.А., Михайлов Д.А., Полетаев Д.В. (2018) Проблемы защиты прав детей, не имеющих гражданства Российской Федерации, в городе Москва. Уполномоченный по правам человека в городе Москве // <https://ombudsman.mos.ru/uploads/magic/ru-RU/Document/0-129-src-1654688658.824.pdf>, дата обращения 25.07.2024.

- Российская семья: как сохранить традиции и обрести новые смыслы? Аналитический доклад (2021) // ВЦИОМ. Сентябрь 2021 // https://xn--80aарамречсчfmo7a3c9ehj.xn--plai/upload/iblock/doklad_%D0%92%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9C_family.pdf, дата обращения 25.07.2024.
- Сабирова Г.А., Андреева Ю.В. (2014) Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 72. № 1. С. 170–189 // <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/605>, дата обращения 25.07.2024.
- Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. и др. (2015) Мир внутрисемейного взаимодействия // Саралиева З.Х. (ред.) Жизненные миры современной российской семьи: монография. Нижний Новгород: ННГУ. С. 20–114 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=24158965>, дата обращения 25.07.2024.
- Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю. (2021) Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии // Женщина в российском обществе. Специальный выпуск. С. 136–149. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9
- Тюрюканова Е.В. (2005) Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. № 1. С. 48–64 // <https://www.demoscope.ru/weekly/2015/0653/наука03.php>, дата обращения 25.07.2024.
- Урри Дж. (2012) Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: ВШЭ.
- Флоринская Ю.Ф. (2012) Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп Weekly. № 515–516 // <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php>, дата обращения 25.07.2024.
- Attias-Donfut C., Cook J. (2017) Intergenerational Relationships in Migrant Families. Theoretical and Methodological Issues // Situating Children of Migrants across Borders and Origins. Life Course Research and Social Policies (eds. Bolzman C., Bernardi L., Le Goff J.M.), Springer, Dordrecht, pp. 115–133.
- Baldassar L., Baldock C.V., Wilding R. (2007) Families Caring across Borders: Migration, Ageing and Transnational Caregiving, London: Palgrave Macmillan.
- Booth A., Crouter A.C., Landale N. (eds.) (1997) Immigration and the Family: Research and Policy on US Immigrants, New York, London: Routledge.
- Bryceson D., Vuorela U. (eds.) (2002) The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks, Oxford: Berg Publishers.
- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L. (2012) Central Themes in the Study of Transnational Parenthood // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 38, no 2, pp. 191–217. DOI: 10.1080/1369183X.2012.646417
- Chavez A.E. (2017) Intimacy at Stake: Transnational Migration and the Separation of Family // Latin Studies, vol. 15, pp. 50–72. DOI: 10.1057/s41276-017-0045-3
- Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) (2018) Childhood and Parenting in Transnational Settings, Cham: Springer.
- Graham E., Jordan L.P., Yeoh B.S., Lam T., Asis M., Su-Kamdi (2012) Transnational Families and the Family Nexus: Perspectives of Indonesian and Filipino Children Left behind by Migrant Parent(s) // Environ Plan A, vol. 44, no 4. DOI: 10.1068/a4445
- Grillo R. (ed.) (2008) The Family in Question: Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Kilkey M., Palenga-Mollenbeck E. (eds.) (2016) Family Life in an Age of Migration and Mobility: Global Perspectives through the Life Course, London: Palgrave Macmillan.
- Kofman E. (2004) Family-related Migration: a Critical Review of European Studies // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 30, no 2, pp. 243–262. DOI: 10.1080/1369183042000200687
- Kraler A., Kofman E., Kohli M., Schmoll C. (eds.) (2011) Gender, Generations and the Family in International Migration, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Lareau A. (2003) Unequal Childhoods, Berkeley: University of California Press.
- Levitt P., Glick-Schiller N. (2004) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society // The International Migration Review, vol. 38, no 3, pp. 1002–1039. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x

- Marcus G. (1995) *Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography* // *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 95–117. DOI: 10.1146/annurev.an.24.100195.000523
- Mazzucato V. (2015) *Transnational Families and the Well-being of Children and Caregivers Who Stay in Origin Countries* // *Social Science and Medicine*, no 132, pp. 208–214. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.11.030
- McCarthy J.R., Edwards R. (2011) *Key Concepts in Family Studies*, London: Sage.
- Montero-Sieburth M., Mas Giralt R., Eguren J. (eds.) (2017) *Introduction to the Special Issue: Innovative Research Methodologies with Migrant Families, Children and Youth in Diverse Contexts* // *Migraciones*, no 42, pp. 1–17. DOI: 10.14422/MIG.I42Y2017.001
- Montero-Sieburth M., Mas Giralt R., Garcia-Arjona N., Eguren J. (eds.) (2021) *Family Practices in Migration. Everyday Lives and Relationships*, Routledge.
- Nedelcu M., Wyss M. (2016) *Doing Family' through ICT-mediated Ordinary Co-presence: Transnational Communication Practices of Romanian Migrants in Switzerland* // *Global Networks*, vol. 16, no 2, pp. 202–218. DOI: 10.1111/glob.12110
- Orellana M.F., Thorne B., Chee A., Lam Wan Shun E. (2001) *Transnational Childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration* // *Social Problems*, vol. 48, no 4, pp. 572–591. DOI: 10.1525/sp.2001.48.4.572
- Parreñas R.S. (2001) *Mothering from a Distance: Emotions, Gender, and Intergenerational Relations in Filipino Transnational Families* // *Feminist Studies*, Summer, vol. 27, no 2, pp. 361–390. DOI: 10.2307/3178765
- Parreñas R.S. (2005) *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*, Stanford: Stanford University Press.
- Portes A., Rivas A. (2011) *The Adaptation of Migrant Children* // *The Future of Children*, Spring, vol. 21, no 1, pp. 219–246. DOI: 10.2307/41229018
- Portes A., Rumbaut R.G. (2001) *Legacies: the Story of the Immigrant Second Generation*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Portes A., Zhou M. (1993) *The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants* // *Annals AAPSS*, no 530, pp. 74–97.
- Rumbaut R., Portes A. (eds.) (2001) *Ethnicities: Children of Immigrants in America*, New York: Russel Sage Foundation; Berkley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Ryan L., Sales R. (2013) *Family Migration: the Role of Children and Education in Family Decision-making Strategies of Polish Migrants in London* // *Journal of International Migration*, vol. 51, no 2, pp. 90–103. DOI: 10.1111/j.1468-2435.2010.00652.x
- Sayad A. (2007) *The Suffering of the Immigrant*, Cambridge: Polity Press.
- Seeberg M.L., Goździak E.M. (eds.) (2017) *Contested Childhoods: Growing up in Migrancy: Migration, Governance, Identities*, Springer Open IMISCOE Research Series.
- Skrbiš Z. (2008) *Transnational Families: Theorising Migration, Emotions and Belonging* // *Journal of Intercultural Studies*, vol. 29, no 3, pp. 231–246. DOI: 10.1080/07256860802169188
- Spitzer D.L. (2018) *Family Migration Policies and Social Integration* // *United Nations Expert Group Family Policies for Inclusive Societies*, May 15–16, NYC, USA // <https://www.un.org/development/desa/family/wp-content/uploads/sites/23/2018/05/Family-Oriented-Migration-Policies-and-Social-Integration.pdf>, дата обращения 25.07.2024.
- Veale A., Donà G. (eds.) (2014) *Mobility-in-migration in an Era of Globalization*, Palgrave Macmillan.
- Wilding R. (2006) *'Virtual' Intimacies? Families Communicating across Transnational Contexts* // *Global Networks*, vol. 6, no 2, pp. 125–142. DOI: 10.1111/j.1471-0374.2006.00137.x

Families of Migrants from Central Asia in Russia: Expert Discourse

---

V.M. PESHKOVA*

*Vera M. Peshkova – PhD in History, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; pever@mail.ru, <https://orcid/0000-0003-3530-922X>

Citation: Peshkova V.M. (2025) Families of Migrants from Central Asia in Russia: Expert Discourse. *Mir Rossii*, vol. 34, no 1, pp. 106–129 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-106-129

Abstract

Migration from Central Asian countries to Russia, which initially began as predominantly male and temporary labor migration, is increasingly becoming long-term. This shift is reflected in the growing number of migrants who are accompanied by family members—or who aim to start families—, aiming for permanent residence and acquiring Russian citizenship. This article presents research findings on this new migration trend based on an analysis of 98 in-depth semi-structured interviews with experts specializing in various aspects of migration in Russia.

The expert discourse reveals how representatives of Russian authorities, public organizations, educational institutions, and social institutions conceptualize and structure the issue of Central Asian families in Russia. The study examines expert approaches to defining migrant families, the mechanisms of family formation, and the key characteristics of these families and explores the impact of migration on the transformation of the institutions of family and marriage, as evidenced by the increasing diversity of family forms and models of intra-family relations. The article also addresses the unique challenges and features of migrant family adaptation and integration. The presence of a family during migration to Russia is interpreted as a factor that facilitates adaptation and integration. However, the experts largely associate full integration into Russian societal structures, culture, and identity transformation with the children of migrants.

The analysis also highlights that migrant families are typically compared to the archetypal Russian family, the traditional Central Asian family, and to individual migrants. The complexity of the issue of family migrants are shaped by the phenomenon itself and by the expert perspective. The article concludes that migration transforms various aspects of the institutions of family and marriage, not only in the Central Asian countries that send migrants but also in Russia. The most significant changes are observed in the patriarchal order and gender dynamics.

Keywords: *family migration, migrant families, foreign labor migration, Central Asia, expert discourse, adaptation of migrants, integration of migrants*

This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation No. 22-18-00377 “Family on the Move: Theoretical and Empirical Problems in the Context of Labor Migration in Russia”.

The article was received in June 2024.

References

- Akifeva R.N. (2015) Children and Their Migrant Parents in Saint Petersburg: Divergent Lines of Behavior. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 5, pp. 117–134. Available at: https://www.researchgate.net/publication/313580892_Deti_i_roditeli-migranty_v_Sankt-Peterburge_nesoglasovannye_linii_povedeniya, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Aleksandrov D.A., Ivanyushina V.A., Kostenko V.V., Savelyeva S.S., Tenisheva K.A. (2012) *The Conditions for Children of Migrants in Saint Petersburg*, Moscow: United Nations Children's Fund (UNICEF) (in Russian).
- Attias-Donfut C., Cook J. (2017) Intergenerational Relationships in Migrant Families. Theoretical and Methodological Issues. *Situating Children of Migrants across Borders and Origins. Life Course Research and Social Policies* (eds. Bolzman C., Bernardi L., Le Goff J.M.), Springer, Dordrecht, pp. 115–133.
- Baldassar L., Baldock C.V., Wilding R. (2007) *Families Caring across Borders: Migration, Ageing and Transnational Caregiving*, London: Palgrave Macmillan.
- Booth A., Crouter A.C., Landale N. (eds.) (1997) *Immigration and the Family: Research and Policy on US Immigrants*, New York, London: Routledge.
- Borisova E.V. (2016) Parenting at a Distance: Transnational Practices in Migrant Families from Tajikistan. *Forum for Anthropology and Culture*, no 28, pp. 228–245. Available at: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/028/borisova.pdf>, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Brednikova O.E., Sabirova G.A. (2015) Children in Migrant Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts. *Forum for Anthropology and Culture*, no 26, pp. 127–152. Available at: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Bryceson D., Vuorela U. (eds.) (2002) *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*, Oxford: Berg Publishers.
- Burina E.A., Kudina A.E. (2020) Modern Russian Family in the Context of Socio-historical Changes in the Institution of Parenthood. *Bulletin of Minin University*, vol. 8, no 1 (in Russian). DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-1-6
- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L. (2012) Central Themes in the Study of Transnational Parenthood. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 38, no 2, pp. 191–217. DOI: 10.1080/1369183X.2012.646417
- Chavez A.E. (2017) Intimacy at Stake: Transnational Migration and the Separation of Family. *Latin Studies*, vol. 15, pp. 50–72. DOI: 10.1057/s41276-017-0045-3
- Demintseva E.B., Zelenova D.A., Kosmidis E.A., Oparin D.A. (2017) Possibilities for Adaptation of Migrant Children in Schools in Moscow and the Moscow Region. *Demographic Review*, vol. 4, no 4, pp. 80–109 (in Russian). DOI: 10.17323/demreview.v4i4.7529
- Demographic Yearbook of Russia-2021: Statistical Collection* (2021), Moscow: Rosstat (in Russian).
- Demographic Yearbook of Russia-2023: Statistical Collection* (2023), Moscow: Rosstat (in Russian).
- Donets E.V. (2015) Migrant Families in the Russian Federation: Ethnic Dimension (According to the 2002 and 2010 Censuses). *Modern Studies of Population Migration: Collection of Articles* (eds. Donets E.V., Chudinovsky O.S.), Moscow: Faculty of Economics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, vol. 26, pp. 50–61. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0693/analit02.php>, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) (2018) *Childhood and Parenting in Transnational Settings*, Cham: Springer.
- Florinskaya Yu.F. (2012) Children of Migrants in Russia: Access to Education and Medicine. *Demoscope Weekly*, no 515–516. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php>, accessed 25.07.2024 (in Russian).

- Giddens E. (2004) *Transformations of Intimacy*, Saint Petersburg: Peter (in Russian).
- Graham E., Jordan L.P., Yeoh B.S., Lam T., Asis M., Su-Kamdi (2012) Transnational Families and the Family Nexus: Perspectives of Indonesian and Filipino Children Left behind by Migrant Parent(s). *Environ Plan A*, vol. 44, no 4. DOI: 10.1068/a4445
- Grillo R. (ed.) (2008) *The Family in Question: Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Kilkey M. Palenga-Mollenbeck E. (eds.) (2016) *Family Life in an Age of Migration and Mobility: Global Perspectives through the Life Course*, London: Palgrave Macmillan.
- Kofman E. (2004) Family-related Migration: a Critical Review of European Studies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 30, no 2, pp. 243–262. DOI: 10.1080/1369183042000200687
- Kraler A., Kofman E., Kohli M., Schmoll C. (eds.) (2011) *Gender, Generations and the Family in International Migration*, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Lareau A. (2003) *Unequal Childhoods*, Berkeley: University of California Press.
- Levitt P., Glick-Schiller N. (2004) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *The International Migration Review*, vol. 38, no 3, pp. 1002–1039. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x
- Makarov A.Ya. (2010) Features of Ethno cultural Adaptation of Migrant Children in Moscow Schools. *Sociological Studies*, no 8, pp. 94–101. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Makarov_13.pdf, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Marcus G. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 95–117. DOI: 10.1146/annurev.an.24.100195.000523
- Mazzucato V. (2015) Transnational Families and the Well-being of Children and Caregivers Who Stay in Origin Countries. *Social Science and Medicine*, no 132, pp. 208–214. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.11.030
- McCarthy J.R., Edwards R. (2011) *Key Concepts in Family Studies*, London: Sage.
- Montero-Sieburth M., Mas Giralt R., Eguren J. (eds.) (2017) Introduction to the Special Issue: Innovative Research Methodologies with Migrant Families, Children and Youth in Diverse Contexts. *Migraciones*, no 42, pp. 1–17. DOI: 10.14422/MIG.I42Y2017.001
- Montero-Sieburth M., Mas Giralt R., Garcia-Arjona N., Eguren J. (eds.) (2021) *Family Practices in Migration. Everyday Lives and Relationships*, Routledge.
- Mukomel V.I., Grigorieva K.S. (eds.) (2022) *Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators: Monograph*, Moscow: FCTAS RAS (in Russian).
- Nedelcu M., Wyss M. (2016) Doing Family' through ICT-mediated Ordinary Co-presence: Transnational Communication Practices of Romanian Migrants in Switzerland. *Global Networks*, vol. 16, no 2, pp. 202–218. DOI: 10.1111/glob.12110
- Orellana M.F., Thorne B., Chee A., Lam Wan Shun E. (2001) Transnational Childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration. *Social Problems*, vol. 48, no 4, pp. 572–591. DOI: 10.1525/sp.2001.48.4.572
- Parreñas R.S. (2001) Mothering from a Distance: Emotions, Gender, and Intergenerational Relations in Filipino Transnational Families. *Feminist Studies*, Summer, vol. 27, no 2, pp. 361–390. DOI: 10.2307/3178765
- Parreñas R.S. (2005) *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*, Stanford: Stanford University Press.
- Poletaev D.V. (2016) Feminization of Communities of Labor Migrants from Central Asia: New Social Roles of Tajik and Kyrgyz Women. *Transnational Migrations and Modern States in Conditions of Economic Turbulence: Collection* (eds. Malakhov V.S., Simon M.E.), Moscow: Delo, RANEP, pp. 263–284 (in Russian).
- Poletaev D.V. (2018) Women's Labor Migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia. *Population*, vol. 21, no 4, pp. 68–78 (in Russian). DOI: 10.26653/1561
- Poletaev D.V., Zayonchkovskaya Zh.A., Mikhailov D.A., Poletaev D.V. (2018) *Problems of Protecting the Rights of Children with no Citizenship of the Russian Federation in Moscow*. Commissioner for Human Rights in Moscow. Available at:

- <https://ombudsman.mos.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-129-src-1654688658.824.pdf>, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Portes A., Rivas A. (2011) The Adaptation of Migrant Children. *The Future of Children*, Spring, vol. 21, no 1, pp. 219–246. DOI: 10.2307/41229018
- Portes A., Rumbaut R.G. (2001) *Legacies: the Story of the Immigrant Second Generation*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants. *Annals AAPSS*, no 530, pp. 74–97.
- Rumbaut R., Portes A. (eds.) (2001) *Ethnicities: Children of Immigrants in America*, New York: Russel Sage Foundation; Berkley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Russian Family: How to Preserve Traditions and Find New Meanings? Analytical report (2021). *VCIOM*. September 2021. Available at: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/iblock/doklad_%D0%92%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9C_family.pdf, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Ryan L., Sales R. (2013) Family Migration: The Role of Children and Education in Family Decision-making Strategies of Polish Migrants in London. *Journal of International Migration*, vol. 51, no 2, pp. 90–103. DOI: 10.1111/j.1468-2435.2010.00652.x
- Sabirova G.A., Andreeva Yu.V. (2014) School Friendly Company of a Teenager with a Migration History. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 72, no 1, pp. 170–189. Available at: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/605>, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Saraliev Z.Kh., Blonin V.A. Egorova N.Yu. et al. (2015) The World of Intrafamily Interaction. *Life Worlds of the Modern Russian Family: Monograph* (ed. Saraliev Z.Kh.), Nizhny Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University, pp. 20–114. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24158965>, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Sayad A. (2007) *The Suffering of the Immigrant*, Cambridge: Polity Press.
- Seeberg M.L., Goździak E.M. (eds.) (2017) *Contested Childhoods: Growing up in Migrancy: Migration, Governance, Identities*, Springer Open IMISCOE Research Series.
- Ryazantsev N.S., Sivoplyasova S.Yu. (2021) Marital Behavior of Female Migrants from Central Asia. *Woman in Russian Society. Special Issue*, pp. 136–149 (in Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9
- Skrbiš Z. (2008) Transnational Families: Theorising Migration, Emotions and Belonging. *Journal of Intercultural Studies*, vol. 29, no 3, pp. 231–246. DOI: 10.1080/07256860802169188
- Spitzer D.L. (2018) Family Migration Policies and Social Integration. *United Nations Expert Group Family Policies for Inclusive Societies*, May 15–16, NYC, USA. Available at: <https://www.un.org/development/desa/family/wp-content/uploads/sites/23/2018/05/Family-Oriented-Migration-Policies-and-Social-Integration.pdf>, accessed 25.07.2024.
- Tyuryukanova E.V. (2005) Gender Aspects of Labor Migration from the CIS countries to Russia. *Diasporas*, no 1, pp. 48–64. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2015/0653/nauka03.php>, accessed 25.07.2024 (in Russian).
- Urry J. (2012) *Sociology beyond Societies. Types of Mobility for the 21st Century*, Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics (in Russian).
- Veale A., Donà G. (eds.) (2014) *Mobility-in-migration in an Era of Globalization*, Palgrave Macmillan.
- Wilding R. (2006) ‘Virtual’ Intimacies? Families Communicating across Transnational Contexts. *Global Networks*, vol. 6, no 2, pp. 125–142. DOI: 10.1111/j.1471-0374.2006.00137.x
- Zayonchkovskaya Zh.A., Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V., Poletaev D.V., Florinskaya Y.F. (eds.) (2011) *Women Migrants from the CIS Countries in Russia*, Moscow: MAKSS Press (in Russian).
- Zotova N.A. (2007) Feminization of Migration from Central Asian Countries to Russia on the Example of Tajikistan. *Russia and the Muslim World*, no 11, pp. 94–101. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizatsiya-migratsii-iz-stran-sredney-azii-v-rossiyuna-primere-tadzhikistana>, accessed 25.07.2024 (in Russian).